

V Международная богословская конференция
Русской Православной Церкви

«ПРАВОСЛАВНОЕ УЧЕНИЕ О ЦЕРКОВНЫХ ТАИНСТВАХ»

Москва, 13–16 ноября 2007

Высокопреосвященный КОНСТАНТИН, Архиепископ
Тихвинский

ТАИНСТВО ЕВХАРИСТИИ: БОГОСЛОВСКИЕ АСПЕКТЫ

Определения и предварительные замечания

Таинство Евхаристии (греч. εὐχαριστία) является центральным таинством Церкви, в котором хлеб и вино по молитве Церкви действием Святого Духа прелагаются в истинные Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, причащаясь которых, верующие теснейшим образом соединяются с Господом Иисусом Христом и, во Христе, друг с другом. Как сказано в «Пространном Катехизисе...» свт. Филарета (Дроздова), «Причащение есть таинство, в котором верующий, под видом хлеба и вина, вкушает самого Тела и Крови Христовой для вечной жизни»¹.

Евхаристия превосходит все другие таинства. «В других таинствах Господь Иисус сообщает верующим в Него те или другие ... дары благодати, которые Он приобрел для людей Своею Крестною смертью», всем Своим Искупительным подвигом. В Евхаристии же «Он предлагает в снедь Самого Себя — собственное Тело и собственную Кровь»².

Таинство Евхаристии, установленное Господом Иисусом Христом на Тайной вечере (Мф 26. 26–29; Мк 14. 22–25; Лк 22. 17–20; 1 Кор 11. 23–25), является *Новым Вечным Заветом* (Евр 13. 20), который Христос заключил между Богом и людьми Своей Кровью (Лк 22. 20; 1 Кор 11. 25).

В Евхаристии совершается то, о чем молился Господь Иисус Христос в Своей Первосвященнической молитве: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, [так] и они да будут в Нас едино» (Ин 17. 21). Такое единство осуществляется в Церкви через Евхаристию. «Вы — Тело Христово» (1 Кор 12. 27), писал апостол Павел первым христианам. Именно в Евхаристии, в этом Таинстве Божественной Любви, Духом Святым создается Церковь как Тело Христово.

Священное Писание и раннее христианство

Неразрывно связанное с Воплощением Сына Божия, Голгофской Жертвой и Воскресением, таинство Евхаристии было замыслено Богом прежде творения мира. «Не тленным серебром или золотом искуплены вы ... но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца, предназначенного еще прежде создания мира» — говорит апостол Петр (1 Петр 1. 18–20)³.

Евхаристия была прообразована вкушением плодов от Древа Жизни в раю и предуказана в ветхозаветных жертвах. Прообразами Евхаристии были также хлеб и вино Мелхиседека, вынесенные им как «священником Бога Всевышнего» навстречу Аврааму (Быт 14. 17–20), трапеза Премудрости, описанная в книге Притчей (Притч 9. 5–6), очищение уст пророка Исаии (Ис 6. 6–7), манна в пустыне (Исх 16. 1–19) и вода, высеченная из скалы (Исх 17. 1–7). Ветхозаветная символика Евхаристии нашла свое отображение в чинопоследовании Божественной литургии свт. Василия Великого, где в молитве

¹ Пространный христианский Катихизис Православной католической восточной Церкви / [Сост. свт. Филарет (Дроздов)]. М., 2006. С. 76.

² Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. СПб., 1852. Т. 4. С. 164.

³ Также: «Проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» (1 Кор 2. 7).

после великого входа сказано: «Якоже приял еси Авелевы дары, Ноевы жертвы, Авраамова всеплодия, Моисеова и Ааронова священства, Самуилова мирная; якоже приял еси от святых Твоих апостол истинную сию службу — сице и от рук нас грешных приими Дары сия во благодати Твоей Господи».

Сокровенные указания на будущее Таинство таинств содержатся и в пророческом провозвестии Ветхого Завета. «Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, *чистую жертву*» — возвещается в пророчестве Малахии (Мал 1. 11). Недаром именно это пророчество составляло существенную часть раннехристианского учения о Евхаристии — его приводят автор «Дидахе» (14 гл.), мч. Иустин Философ («Диалог с Трифоном иудеем» 41), сщмч. Ириней Лионский («Против ересей» IV. 29. 5), когда свидетельствуют, что Жертва Евхаристии заменила собой все ветхозаветные жертвы.

В Новом Завете о *содержании* таинства Евхаристии подробнее всего говорится в 6-й главе Евангелия от Иоанна, в которой повествуется о совершенном Господом Иисусом Христом чуде умножения хлебов, Его ночной молитве и переходе через Галилейское море и приводится связанная с этими событиями беседа Христа в Капернаумской синагоге, содержащая, в том числе, следующие слова: «Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира... Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин 6. 51–56). На этих словах основана вера Церкви в необходимость Евхаристии для спасения и в подлинность евхаристических Даров.

Установление таинства Евхаристии произошло во время Тайной вечери и описано в трех синоптических Евангелиях (Мф 26. 17–30; Мк 14. 12–26; Лк 22. 7–39) и у ап. Павла (1 Кор 11. 23–25). Согласно этим описаниям, Господь Иисус взял хлеб, благословил, преломил и подал ученикам, сказав: «Примите, ядите, сие есть Тело Мое» (текст приведен по Мк 14. 22); затем Он также подал и чашу, сказав: «Сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая» (текст приведен по Мк 14. 24; эти слова Христа над хлебом и чашей принято называть установительными). Установительные слова прямо указывают на связь Евхаристии с добровольными страданиями Спасителя: образ изливаемой крови и отделения ее от тела является символом смерти; обозначение крови как крови Завета говорит о жертве — поскольку заключенный при Моисее Завет между Богом и Его народом был утвержден жертвоприношением и окроплением людей жертвенной кровью (ср.: Исх 24. 4–8); слова о том, что Тело «предается» за учеников (Лк 22. 19), подчеркивают добровольность страданий. На это же указывают общий контекст Тайной вечери, которая в одно и то же время была и вкушением ветхозаветной пасхальной жертвы (ср.: Мф 26. 17; Мк 14. 12–16; Лк 22. 7–16), и началом Страстей Христовых (непосредственно за Тайной вечерей, согласно всем четырем Евангелиям, произошли Гефсиманское моление и затем взятие Господа Иисуса под стражу). У апп. Луки и Павла установительные слова Христа содержат заповедь: «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк 22. 19; 1 Кор 11. 24–25); ап. Павел поясняет, что Евхаристия является воспоминанием Смерти и Воскресения Спасителя: «Всякий раз, когда вы едите Хлеб сей и пьете Чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1 Кор 11. 26).

По свидетельству книги Деяний, первые христиане «постоянно пребывали в ... преломлении хлеба» (2. 42) Евхаристия с самого начала стала центральным богослужением христианской Церкви, будучи одновременно как общинной трапезой⁴, совершаемой предстоятелем (апостолом, епископом или — по распоряжению епископа — пресвитером), так и воспоминанием Смерти и Воскресения

⁴ Первоначально Евхаристия соединялась с обычным вкушением пищи — ср. 1 Кор 11. 20–34, но со временем, из-за злоупотреблений, отделилась от него; уже к III в. обычной практикой стало вкушение евхаристических Даров обязательно натощак.

Господа, во исполнение слов Христа: «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк 22. 19; 1 Кор 11. 24), причем ранняя Церковь понимала евхаристическое воспоминание не как напоминание о прошедших событиях, а как подлинное и действенное приобщение к ним. Заповедь «Сие творите в Мое воспоминание» выражает волю Христа о совершении Евхаристии до Его Второго Пришествия, как об этом говорит апостол Павел: «Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1 Кор 11. 26).

Раннехристианские источники свидетельствуют о том, что основными аспектами учения о Евхаристии были:

вера в тождество Даров, над которыми прочитана евхаристическая молитва, подлинным Тела и Крови Христовым (см., напр.: 1 Кор 10. 16; *сщмч. Игнатий Богоносец*. Послание к Смирнянам. 7; *мч. Иустин Философ*. 1-я Апология. 66; *сщмч. Иринея Лионский*. Против ересей. IV. 31. 3–5, V. 2. 3);

исповедание Евхаристии как приобщения к Крестной Жертве Спасителя (см., напр.: 1 Кор 11. 26) и поэтому как единственной и полной замены всех ветхозаветных жертв (см., напр.: Дидахе. 14; *мч. Иустин Философ*. Диалог с Трифоном иудеем. 41; *сщмч. Иринея Лионский*. IV. 29. 5; ср.: Евр 7–9; Мал 1. 10–11);

осмысление Евхаристии как залога единства Церкви в Теле Христовом (см., напр.: 1 Кор 10. 17; 12. 12–31; Дидахе. 9–10; *сщмч. Игнатий Богоносец*. Послание к Смирнянам. 8; *сщмч. Киприан Карфагенский*. Послание 63, к Цецилию. 12);

вера в Евхаристию как в дар бессмертной жизни (ср.: Ин 6. 26–54; *сщмч. Игнатий Богоносец*. Послание к Ефесянам. 20) и благодарение за познание этой и других тайн Божественного домостроительства спасения (см., напр.: Дидахе. 9–10).

Эти богословские темы и во все последующие эпохи остались центральными в учении Церкви о Евхаристии.

Тело и Кровь Христовы в Евхаристии

Православное богословие однозначно утверждает тождественность Евхаристических Тела и Крови Христовых историческим, то есть тому Телу, которое Господь Иисус Христос принял в Воплощении, и той Крови, которую Он пролил на Кресте. В Таинстве действием Святого Духа хлеб и вино становятся истинными и реальными Телом и Кровью Воплощенного Сына Божия Господа Иисуса Христа. Эта истина основывается как на Божественном Откровении, так и на святоотеческом предании.

Святоотеческое предание единогласно утверждает истину, согласно которой мы причащаемся Тела и Крови Господа Иисуса Христа, которые Он принял в Воплощении. Это та Плоть, которая была распята на Кресте, умерла, воскресла и вознесена одесную Отца.

Сщмч. Игнатий Богоносец убеждал христиан чаще собираться для Евхаристии, ибо через нее «низлагаются силы сатаны»⁵. Он предостерегал первых христиан от еретиков, не признающих, «что Евхаристия есть плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, которая пострадала за наши грехи, но которую Отец воскресил по Своей благодати»⁶.

Свт. Кирилл Иерусалимский говорил: «Видимый хлеб есть не хлеб, хотя и осязателен по вкусу, но Тело Христово, и видимое вино есть не вино, хотя и подтверждает то вкус, но Кровь Христова»⁷. В этих словах свт. Кирилла евангельский евхаристический реализм выражен с максимальной яркостью и недвусмысленностью. «Истинная была плоть Христа, которая распята, погребена; воистину сие есть таинство Той самой плоти» — писал свт. Амвросий Медиоланский⁸.

⁵ *сщмч. Игнатий Богоносец*. Послания. Казань, 1857. С. 57.

⁶ Там же. С. 170.

⁷ *свт. Кирилл Иерусалимский*. Поучения огласительные и тайноводственные. М., 1991^р. С. 246.

⁸ PL. 16. Col. 407.

Прп. Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры» пишет: «Как хлеб через ядение, а вино и вода через питье естественным образом прелагаются (μεταβάλλονται) в тело и кровь ядущаго и пьющаго, и делаются не другим телом, по сравнению с прежним его телом, так и хлеб предложения, вино и вода, через призывание и наитие Св. Духа, сверхъестественно претворяются (ὕπερφως μεταλοιοῦνται) в Тело Христово и Кровь, и суть не два, но единое и то же самое»⁹.

Прп. Симеон Новый Богослов учил, что Сын Божий в Причащении преподает нам «Ту самую пренепорочную плоть, которую Он принял от Пренепорочной Богородицы Марии и в коей от Нея родился»¹⁰.

Св. Николай Кавасила писал, что после эпиклезы евхаристические Дары «уже не образ... но самое всесвятое Владычнее Тело, истинно принявшее все укуризны, поношения, раны, — распятое, прободенное... претерпевшее заушение, биение, заплевания, вкусившее желчь. Подобным образом и вино есть самая Кровь, истекшая из прободенного Тела»¹¹.

Наконец, постановления Первого, Третьего и Седьмого Вселенских Соборов не оставляют никаких сомнений в реальности Евхаристических Тела и Крови и их тождественности Телу и Крови Воплощенного Сына Божия. «Святые Дары прежде освящения называются “вместобразными” (ἀντίτυπα), после же освящения — по существу Телом и Кровью Христовой и суть таковы», свидетельствовали Отцы Седьмого Собора¹², отвечая иконоборцам, учившим, что евхаристические Дары — это только образ (икона, или вместообразное-антитип¹³) исторических Тела и Крови Христа.

Тождество евхаристических Тела и Крови Христовых историческим имеет *принципиальное сотериологическое значение* — мы причащаемся тому Телу, которое воспринял и в Самом Себе исцелил и обожил Воплощенный Сын Божий. Евхаристия, таким образом, есть входение в тайну Искупления, актуализация в верующих Искупления, совершенного Господом Иисусом Христом. Без Евхаристии Искупление остается нереализованным.

В Евхаристии мы причащаемся именно тому самому Телу, которое Христос исцелил и обожил в Своем Воплощении. Отрицание этого бесспорного факта есть, по существу, отрицание смысла Боговоплощения и реальности совершенного Христом Искупления. Без этого тождества мы не участвуем в Искуплении, не исцеляется наша природа. Именно поэтому Церковь решительно отвергает любые символические, аллегорические или спиритуалистические толкования Евхаристических Тела и Крови.

Христологический аспект Евхаристии

Христос присутствует в Евхаристии всецело, в полноте Своего Божества и человечества, ипостасно соединенного с Божеством. Каждая частица евхаристического хлеба есть Тело Христово единое и неделимое. В каждой частице присутствует весь Христос. Это сознание содержится в

⁹ PG. 94. Col. 1145. Рус. пер.: прп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. IV. 13 // прп. Иоанн Дамаскин. Полное собрание творений. СПб., 1913. Т. 1. С. 312.

¹⁰ прп. Симеон Новый Богослов. Слова. М., 1892. Вып. 1. С. 396.

¹¹ св. Николай Кавасила. Изъяснение Божественной Литургии // св. Николай Кавасила. Христос. Церковь. Богородица. М., 2002. С. 155.

¹² Деяние 3: Acta Conciliorum et epistolae decretales. P., 1714. Col. 372. На I Вселенском Соборе отцы исповедали: «На Божественной трапезе мы не должны просто видеть предложенный хлеб и чашу, но, возвышаясь умом, должны верою разуметь, что на священной трапезе лежит Агнец Божий, “вземляй грехи мира” (Ин 1. 29), приносимый в жертву священниками, и истинно приемля честное Тело и Кровь Его, должны веровать, что это суть знамения нашего воскресения» (Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 199–200). На III Вселенском Соборе было утверждено: «Причащаяся Святой Плоти и Честной Крови Христа... принимаем не как обыкновенную плоть (да не будет!)... но как Плоть воистину животворящую и собственную для Самого Слова» (Деяния Вселенских Соборов. СПб., 1996. Т. 1. С. 195).

¹³ О термине «вместобразная» см. одноименную статью в «Православной энциклопедии». Здесь необходимо отметить, что если в ранней Церкви это слово употреблялось широко и применялось, в том числе, и к освященным Дарам, то в VII–VIII вв., по причине его перетолкований, подобных иконоборческому, этот термин стал применяться православными авторами только по отношению к Дарам, еще не получившим освящения. Именно в таком смысле, например, прп. Иоанн Дамаскин объясняет известное место из анафоры свт. Василия Великого.

литургийном чинопоследовании: «Раздробляется и разделяется Агнец Божий, раздробляемый и не разделяемый».

Христос присутствует в Евхаристических Дарах постоянно, т. е. не только при самом Причащении, но и до Причащения, и после Причащения. Хлеб и вино, ставшие Телом и Кровью Христа, уже не прелагаются в прежнее свое естество, но остаются Телом и Кровью Христовыми навсегда, независимо от того, будут ли они преподаны верующим для Причащения.

В Евхаристии благодатно актуализируется все Домостроительство спасения: от Воплощения Сына Божия Господа Иисуса Христа до Его Вознесения и Сошествия Святого Духа¹⁴. Согласно прп. Феодору Студиту, Божественная литургия есть обновление Богочеловеческого домостроительства спасения¹⁵. Целью Боговоплощения и совершенного Христом Искупления было обожение человека. «Бог стал человеком для того, чтобы человек стал богом» — это утверждение стало лейтмотивом восточной святоотеческой мысли, ярким примером единогласного *consensus patrum*. Через Евхаристию верующие становятся причастниками Искупления, через Евхаристию совершается обожение каждого конкретного человека. Об этом говорится в молитве пред Св. Причащением: «Божественное Тело обожает мя и питает. Обожает ум, дух же питает странно».

Для большинства святых отцов Воплощение есть отправная точка для рассуждения о Евхаристии. Мч. Иустин Философ писал в своей Апологии: «как Христос, Спаситель наш, Словом Божиим воплотился и имел Плоть и Кровь для спасения нашего, таким же образом пища эта, над которой совершено благодарение чрез молитву слова Его, есть... Плоть и Кровь Того же воплотившегося Иисуса»¹⁶. Клеветнические обвинения первых христиан в каннибализме св. Иустин мог бы легко опровергнуть через символическое толкование Евхаристии. Но он подчеркивает реальность Таинства, делая акцент на подобной же реальности Боговоплощения.

Евхаристия как Жертва

Таинство Евхаристии является Жертвой Богу и неотделимо от Голгофской Жертвы Христа. О жертвенном характере Евхаристии Господь говорил еще в беседе о Хлебе жизни: «Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин 6. 51). Установление таинства пронизано идеей жертвенной смерти за все человечество, Христос говорит не просто о Своем Телe и Своей Крови, но о Телe «ломимом» (Лк 22. 19; 1 Кор 11. 24) и Крови «изливаемой» (Мф 26. 28; Мк 14. 24; Лк 22. 20).

Спаситель «однажды» (Евр. 7. 27; 9. 28) принес Себя на Голгофе в жертву «чтобы подъять грехи многих» (Евр 9. 28). В Евхаристии предлагается то же самое Тело и та же самая Кровь. Таким образом, Евхаристия есть не восполнение жертвы Голгофской, а приобщение к ней верующих, усвоение плодов Крестной жертвы всем членам Церкви Христовой. Поэтому во всех древних литургиях в молитве освящения Даров выражается мысль о том, что евхаристическая Жертва приносится за спасение всех живых и умерших.

Объясняя жертвенный характер Евхаристии, св. Николай Кавасила пишет «Хлеб становится жертвой ни до освящения, ни после, но во время него. Именно тогда хлеб становится самим Телом Христовым... Именно это обозначает принести хлеб и соделать его Жертвой — преложить его в Тело Господа, принесенное в жертву. Таким образом каждый раз осуществляется спасительная Жертва Агнца Божия, и Тело Христово пребывает единократно принесенным»¹⁷.

Только протестанты, отвергающие реальное изменение в Евхаристии хлеба и вина в Тело и Кровь Богочеловека, не признают жертвенного значения Евхаристии.

¹⁴ Иустин (Попович), архим. Догматика Православной Церкви. Белград, 1978. С. 567.

¹⁵ прп. Феодор Студит. Творения. СПб., 1907. Т. 1. С. 126.

¹⁶ св. Иустин Философ. I Апология. 66.

¹⁷ Там же. С. 194.

Евхаристическая терминология

Православное богословие совершенно определенно говорит о невозможности в полноте выразить словами тайну Евхаристии. Анафора Божественной литургии свт. Иоанна Златоуста содержит такие слова: «Ты бо еси Бог неизреченен, недоведом, невидим, непостижим, присно Сый, также Сый, Ты и Единородный Твой Сын и Дух Твой Святой». Непостижимость и невыразимость Бога являются основанием апофатического богословия.

С другой стороны, мы именуем Бога, и в Божественном Откровении Ему даются многообразные Имена, ибо нет одного такого Имени, которое бы полностью выразило Божество. Это же относится, как выражено в вышеприведенной евхаристической молитве, и к Сыну Божию, начиная с Его Воплощения (ср. с тропарем Благовещения: «Днесь спасения нашего главизна и еже от века Таинства явление...»). Богословие Божественных Имен, или катафатическое богословие, только частично приоткрывает нам тайну Божества, является попыткой приблизить недомыслимое Бытие Бога нашему пониманию.

В догмате есть элемент рационально познаваемый, который мы выражаем в богословских и философских терминах, но есть и таинственный компонент. Сказанное относится и к Евхаристии. Невозможно в полной мере с помощью одного термина адекватно выразить эту тайну. Мы постоянно выражаем эту мысль, называя Евхаристические Тело и Кровь Христовы Святыми *Тайнами*. Поэтому важно помнить, что никакой богословский или философский термин не в силах охватить и выразить Таинство таинств. Это не значит, что все термины равнозначны. Но мы не должны быть в плену изобретенных нами же терминов, пытаясь вместить в них всю тайну Откровения. Это означает, что любой термин должен рассматриваться в свете апофатической непостижимости таинства Евхаристии.

Есть прекрасное библейское выражение: «И стало так». Например, в Ветхом Завете сказано: «И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью от воды, которая над твердью. *И стало так*» (Быт 1. 7). И далее, после актов творения, рефреном повторяется: «И стало так». Откровение констатирует свершившийся факт. То же — и в Новом Завете. Можно указать, например, на первое чудо Христово в Кане Галилейской, когда по слову Христову вода *стала* вином (Ин 2. 9). В латинском переводе здесь говорится: *Aquam vinum factam* — «воды, сделавшейся, ставшей вином». Так и в таинстве Евхаристии хлеб и вино *становятся* Телом и Кровью Христовыми.

Существуют различные внебиблейские термины, с помощью которых святые отцы выражали веру в реальность Таинства таинств — святой Евхаристии. Но используя эти термины, они всегда подчеркивали, что, говоря словами преп. Иоанна Дамаскина, *образ преложения неизследим*. Евхаристия совершается Святым Духом «подобно тому, как Господь при содействии Святого Духа составил Себе и в Себе плоть от Святой Богородицы. Более мы ничего не знаем, кроме того, что Слово Божие истинно, действенно и всемогуще, а способ [преложения] неизследим»¹⁸.

Для обозначения того факта, что хлеб и вино в Евхаристии становятся Телом и Кровью Христа, чаще всего используются два основных термина. Первый термин — «преложение» (μεταβολή). Он происходит от глагола μεταβάλλω, который буквально означает «превращаю», а в богословский язык был включен благодаря Аристотелю. Аристотель обозначал этим термином превращение пищи в тело человека при ее вкушении (ср. соответствующий термин «метаболизм», донныне используемый в медицине). И недаром свт. Григорий Нисский в своем «Большом огласительном слове» объясняет чудо Евхаристии именно аналогией со вкушением хлеба человеком, и эта аналогия повторена затем прп. Иоанном Дамаскиным. Поэтому и применительно к Евхаристии термин «преложение», употребленный, в частности, в тексте Божественной литургии свт. Иоанна Златоуста, (μεταβαλόν — «преложив»), говорит о сущностном, онтологическом изменении хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы.

¹⁸ прп. Иоанн Дамаскин. Указ. соч. С. 311–312.

Другой термин, о котором между православными богословами иногда возникают споры — *μετουσίωσις*, «пресуществление». Многие считают, что этот термин имеет католическое происхождение, соответствуя латинскому *transsubstantio*. Буквально данный термин означает «изменение сущности». Действительно, применительно к Евхаристии этот термин стал широко употребляться именно на Западе. Но по смыслу этот термин не отличается от термина «преложение»-*μεταβολή* (лат. *transformation*) — так что даже богослов-схоласт Фома Аквинский в своих сочинениях преимущественно употребляет именно термин «преложение». Само же греческое слово *μετουσίωσις* не является копией латинского термина. На Востоке оно зафиксировано в богословском языке уже у Леонтия Византийского и вне евхаристического контекста употреблялось, например, в эпоху паламитских споров. Тем не менее, в православную евхаристическую терминологию оно в полной мере вошло в XV в. при Патриархе Константинопольском Геннадии Схоларии. В последующую эпоху термин «пресуществление» стал общепринятым в православном богословии и использовался многими святыми — в частности, свт. Феофаном Затворником, свт. Филаретом Московским, св. прав. Иоанном Кронштадтским и другими.

Несмотря на это, термин «пресуществление», как ассоциирующийся с латинской схоластикой, у ряда православных богословов новейшего времени вызывал отторжение. Тем не менее, сегодня термин «пресуществление» является привычным и устоявшимся, он удобен тем, что подчеркивает реальность изменения хлеба и вина в Тело и Кровь Христа и не допускает перетолкований Таинства Евхаристии в протестантском духе, почему он и был использован и утвержден Константинопольским Собором 1691 г., Деяния которого были приняты Русской Православной Церковью. Термин этот сегодня не стоит отождествлять со всеми метафизическими представлениями средневековой схоластической философии. Вопрос о философских основах христианского богословия и выявлении новых философских трактовок таких ключевых понятий, как «сущность» и т. д. (в том числе — и применительно к богословию Евхаристии), которые не противоречили бы христианскому мировоззрению и в то же время учитывали бы достижения философии XIX–XX вв., представляется весьма актуальной задачей современного богословия. В классическом же православном богословии термины «пресуществление» и «преложение» — тождественны.

Экклезиологический аспект Евхаристии

Евхаристия — Таинство единства Церкви. Без Евхаристии нет и не может быть никакого другого таинства, поскольку изначально нет и не может быть Церкви без Евхаристии: «Тело Его... есть Церковь» (Кол 1. 24), говорит апостол Павел.

Само основание Церкви, или «приобретение» (Деян 20. 28) Ее Христом, евхаристично: «Один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Ин 19. 34). Истечение крови и воды в святоотеческом богословии неизменно понималось как символ будущей Церкви. Вода является символом Крещения, кровь указывает на Евхаристию. Так Церковь основана во Христе: «Истекла кровь и вода, которые и означают Церковь Христову, созданную в Нем, подобно тому, как из бока Адама была взята жена его»¹⁹.

«Если бы кто мог увидеть Церковь Христову в том виде, как она соединена со Христом и участвует в плоти Его, то увидел бы ее ни чем другим, как только Телом Господним» — утверждал св. Николай Кавасила²⁰. Прп. Максим Исповедник говорит: «Никакое Таинство не может совершиться без Причащения».²¹ А по мысли блж. Симеона Солунского, «завершение всякого священнодействия и печать всякого Божественного таинства есть священное Причащение».²²

¹⁹ прп. Ефрем Сирин. Творения. М., 1995. Т. 8. С. 324.

²⁰ св. Николай Кавасила. Указ. соч. С. 170.

²¹ PG. 4. Col. 136.

²² PG. 155. Col. 512.

Евхаристия дана Церкви, Евхаристия совершается только в Церкви, и только принадлежащий к Церкви участвует в Евхаристии. В древней Церкви «причастие воспринималось ... как акт, вытекающий из самого членства в Церкви, и это членство исполняющий и осуществляющий. Евхаристия была и называлась Таинством Церкви, Таинством собрания, Таинством общения»²³. Авторитетнейшим подтверждением данной мысли является свидетельство «Дидахе», или «Учения 12 Апостолов», одного из самых древних памятников христианской письменности: «Как этот преломляемый хлеб, быв рассеян по холмам, и будучи собран, сделался единым, так да соберется Церковь Твоя от концов земли в Царствие Твое» (9-я гл.); «Помяни, Господи, Церковь Свою, да охранишь ее от всякого зла и сделаешь ее совершенной в любви Твоей, и собери ее от четырех ветров, освященную, в Царствие Твое, которое Ты уготовал ей» (10-я гл.).

Древние отцы называли Евхаристию «единением» (ἑνωσις). В Божественной литургии свт. Василия Великого сказано: «Нас же всех, от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу во единого Духа Святаго причастие; и ни единого нас в суд или во осуждение сотвори причастится Святаго Тела и Крове Христа Твоего». Отрыв от церковного единства, разрушение единства Церкви следствием своим имеет недостойное Причащение. Не может причащаться Телу Христову тот, кто отделяет себя от Церкви и разрушает ее единство.

Всякий приход, в котором совершается таинство Евхаристии, есть «семья» во Христе. Христиане являются «братьями и сестрами» друг другу не в метафорическом, но в онтологическом, бытийном смысле, как ставшие «со-телесными и со-кровными» Христу. Люди, причащающиеся из одной Чаши, должны настолько объединяться во Христе, чтобы жить уже единым сердцем, как один человек. По мысли В. Н. Лосского, «тот, кто глубже укоренен в Церкви, кто глубже сознает единство всех в Телѣ Христовом, тот и меньше связан своими индивидуальными ограничениями, личное сознание его более раскрыто Истине»²⁴. «Источник наших церковных болезней — писал прот. Иоанн Мейендорф, — повлекший за собой целый ряд недоразумений, есть утеря чувства Церкви, как живой общины»²⁵.

Знаменитый святоотеческий тезис «вне Церкви нет спасения» имеет евхаристическое обоснование. Вне Церкви нет спасения, поскольку вне Церкви нет Евхаристии. А без Евхаристии нет ни спасения, ни обожения, ни истинной жизни, ни воскресения в вечности.

Эсхатологический аспект Евхаристии

Эсхатологический аспект является одной из самых таинственных тем евхаристического богословия. Евхаристия есть Таинство воскресения: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин 6. 53). «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин 6. 54). В анафоре свт. Василия Великого приведены слова: «Елижды бо аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, Мою смерть возвещаете, Мое воскресение исповедаете».

Уже ранние Отцы Церкви видели в причащении Тела и Крови Христовых залог воскресения и жизни вечной. Сщмч. Игнатий Богоносец называет Евхаристию «врачевством (или лекарством) бессмертия» (φάρμακον ἀθανασίας)²⁶. Причащение, таким образом, сочетает аспекты сотериологический («врачевство») и эсхатологический («бессмертие»).

В творениях сщмч. Иринея Лионского учение о Евхаристии как о силе воскресения представлено с максимальной полнотой и законченностью: «Как хлеб, происшедший от земли, после призывания над ним Бога, не есть уже обыкновенный хлеб, но Евхаристия, состоящая из двух вещей — из земного и небесного, так и тела наши, принимая Евхаристию, уже нетленны, имея в себе

²³ Шмеман А., прот. Исповедь и причастие: Доклад Св. Синоду Православной Церкви в Америке. Б/м., б/г. С. 4.

²⁴ Лосский В. Н. Богословие и боговидение: Сборник статей. М., 2000. С. 578.

²⁵ Мейендорф И., прот. Иерархия и народ в Православной Церкви // Вестник РСХД. 1955. № 39. С. 39.

²⁶ сщмч. Игнатий Богоносец. Указ. соч. С. 69.

надежду воскресения»²⁷; «Подобно тому, как зерно падает в землю и истлевает, а затем из него вырастает колос, и в нем зерна, из которых мы печем хлеб, который в Евхаристии становится Плотью и Кровью Христа, так и наши тела, насыщенные нетленной Пищей — Телом и Кровью Сына Божия, хотя и погребенные в землю, будут изведены из земли Духом Божиим в вечную жизнь»²⁸.

В творениях многих святых отцов грех отождествляется со смертью, а Евхаристия — с бессмертием. Таким образом, Евхаристия обретает космическое и даже сверхкосмическое измерение. То, что произошло на заре человеческой истории в момент грехопадения, преодолевается в таинстве Причащения. Через грех прародителей смерть вошла в мир (Рим 5. 12). Господь сказал Адаму в Раю: «От дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт 2. 17). И хотя в тот день, когда Адам вкусил плодов от дерева познания добра и зла, физически он не умер, произошло принципиальное изменение его естества — в него вошел закон смерти. Вкушение запрещенных плодов стало для человека «залогом смерти»²⁹. В Евхаристии происходит обратное тому, что произошло в грехопадении. Тело и Кровь Христовы становятся для искупленного человечества «залогом жизни». «Мы получили жизнь во Христе; именно, Тело Его вкусили вместо плодов дерева жизни... и праведной Кровью Его омыты... и чрез надежду воскресения ожидаем будущей надежды и уже живем жизнью Его, которая сделалась залогом нашим»³⁰. После Причащения — хотя люди и продолжают умирать физически — меняется самая суть, принцип человеческого бытия. Приобщившись нетленным Телу и Крови Христа, человек оказывается вне власти смерти (ср.: Рим 6. 9), делается наследником Воскресения.

Другие аспекты

В истории христианского богословия Евхаристия не раз становилась предметом догматических споров. Уже в ранней Церкви евхаристический аргумент имел большое значение в борьбе с гностицизмом, докетизмом и прочими ересями. Свт. Кирилл Александрийский ссылаясь на Евхаристию в своих спорах с Несторием. Как уже было отмечено выше, Евхаристия была одним из важнейших аспектов полемики вокруг иконоборчества. Споры о хлебе Евхаристии — должен ли он быть квасным (как учит и литургисает Православная Церковь) или пресным (как к IX–X вв. стало принято у армян и на латинском Западе) — породили обширную полемическую литературу и стали поводом к разделению Православной и Римо-католической Церквей. В XII в. в Византии горячо обсуждались вопросы о том, Кому приносится Жертва Евхаристии, а также о том, какому Телу Христа она соответствует — до Воскресения или после Воскресения. Споры о времени преложения Св. Даров — во время установительных слов или же во время эпиклезы (но не о самом характере преложения!) — стали наиболее значимым проявлением постепенно оформившихся различий между православным и католическим учениями о таинствах.

Все аспекты учения о Евхаристии, как более общие, так и частные, крайне важны и потому заслуживают подробного изучения и ответственной богословской дискуссии. Мы надеемся, что в ходе работы настоящей конференции будут так или иначе затронуты большинство из них.

²⁷ См.: *сцмч. Ириней Лионский*. Против ересей. IV. 18. 5 // *сцмч. Ириней Лионский*. Сочинения. СПб., 1900. С. 365.

²⁸ *сцмч. Ириней Лионский*. Против ересей. V. 2. 2–3 // Там же. С. 449–450.

²⁹ *прп. Ефрем Сирий*. Указ. соч. С. 333.

³⁰ Там же.